

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Г.М. АНДРЕЕВА

О «СОЦИОЛОГИЗАЦИИ» СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XX СТОЛЕТИИ

Возникновение социальной психологии как самостоятельной дисциплины условно датируется 1908 годом¹ — то есть ее история практически совпадает с двадцатым столетием. На протяжении всего этого периода наука осуществляла мучительный поиск своего статуса, главным образом определяя свое отношение к двум «родительским» дисциплинам — психологии и социологии. Процесс этот достаточно широко исследован, предложены различные способы «помещения» социальной психологии то «внутри» одного из «родителей», то «между ними» (также в различных вариантах [1]); соответственно осуществляется подсчет «количества» социальных психологий (две, три и более) [2]. Общеизвестно выделение как минимум двух социальных психологий — «психологической» (PSP) и «социологической» (SSP); возникает вопрос о том, как они соотносятся друг с другом.

Во второй половине XX в. дискуссия стала приобретать особую остроту в связи с четко обозначившейся европейской традицией, зарождение которой относят к 1965 году — году создания Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии (ЕАЭСП) [3]. Именно в рамках этой традиции впервые предложен термин «социологизация» применительно к социальной психологии, в связи с чем возникло известное противопоставление американского и европей-

Андреева Галина Михайловна — доктор философских наук, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. **Адрес:** 125009 Москва, ул. Моховая, 11, корп. 5, комн. 408. **Телефон:** 203-32-58. **Электронный адрес:** gmandreeva@mtu-net.ru

¹ Год одновременной публикации двух первых учебников: McDougall W. Introduction in social psychology (London) и Ross E. Social psychology (New York).

ского подходов. Проблема «социологизации» обрела, таким образом, второе измерение².

В манифесте ЕАЭСП «The context of social psychology» (1972), подготовленном ведущими европейскими социальными психологами, критическое отношение к американской традиции связывается с недостаточным ее вниманием к «социальному контексту», а прогресс будущей социальной психологии видится именно в «социологизации» последней. Автор предложения, лидер французской социально-психологической школы С. Московичи, трактует обозначенную тенденцию как преодоление «асоциальности» американской социальной психологии: личность в ней, как правило, выведена из социального контекста или, в лучшем случае, рассматривается лишь в контексте взаимодействия двух индивидов [5, p. 24-27].

По мнению автора, такой подход обусловлен влиянием позитивистской методологии и ориентацией на построение науки «вне метафизики». Последнее, однако, лишь «прекрасная сказочка, которую рассказывают друг другу ученые» [5, p. 22]. Вместе с тем, в наше время как никогда остро встает вопрос об осознании наукой своего места в обществе, а следовательно, о роли идеологии в научных исследованиях.

Лакмусовой бумажкой, позволившей испытать социальную психологию на зрелость, явилась, по мнению Московичи, «студенческая революция» 1968 г., в ходе которой были высказаны радикальные критические замечания в адрес официальной системы социальных наук, в частности, в связи с игнорированием ею актуальных проблем общества, ее «деидеологизацией». Главный вопрос, стоящий перед учеными, заключается в том, должна ли наука поддерживать, консолидировать социальный порядок или критиковать, преобразовывать его. Для социальной психологии это, в частности, означает необходимость определить, «кто задает вопросы науке и кто дает на них ответ» [5, p. 24]. История социальной психологии показывает, насколько тесна связь исследовательской стратегии, направлений теоретического анализа с выдвигаемыми историей общественными проблемами. На уровне отдельного экспериментального или эмпирического исследования такая связь не всегда просматривается, а интер-

² П.Н. Шихирев понимает это как противостояние двух парадигм — парадигмы «объяснения», свойственной американской социальной психологии, и парадигмы «понимания», характерной для европейского подхода [4]. Отдавая должное оригинальности данной идеи, мы не используем предложенную терминологию (хотя в принципе принимаем ее), поскольку, как это будет видно в дальнейшем изложении, принцип «объяснения» отнюдь не отвергается, а напротив, широко используется и в работах европейских авторов [6].

претации полученного материала в рамках какой-либо теоретической схемы препятствует как раз господство позитивистской эпистемологии, провозглашающей принцип абсолютизации «данных» и считающей эксперимент «высшей маркой науки».

Для преодоления этой ситуации и предлагается идея «социологизации» социальной психологии, то есть рассмотрения социально-психологических проблем с социологической точки зрения. В этой связи возникает ряд принципиальных вопросов, и прежде всего — что считать «социальным» в социальной психологии? Если признаком социальности считать простой факт присутствия другого человека или даже множества людей и фиксировать «социальное» лишь как свойство объектов [5, р. 50], то при таком подходе игнорируются фундаментальные характеристики социальной системы, внутри которой действуют личности, в частности, социальная природа самого субъекта, и исследуется не система отношений людей, а в лучшем случае лишь подсистема межличностных отношений. Социальная психология остается «частной», она не включает анализ того, что является существенным для поведения человека. Поэтому недостаточно изучать социальное поведение «как продукт общества или поведение в обществе... Социальную психологию нужно обновлять, чтобы она стала действительно наукой о таких социальных феноменах, которые есть основа функционирования общества, о сущностных процессах деятельности в нем» [5, р. 55]. Это требует расширения собственной сферы дисциплины, анализа культурных процессов, обуславливающих и организацию знаний в обществе, и характер межличностных отношений, и их «кодификацию» в межгрупповых отношениях, что и создает социальную реальность. Причины соответствующих норм и ценностей надо также искать в социальном контексте.

Возможность такого подхода, по мнению Московичи, продемонстрирована европейской социальной психологией. Именно поэтому полемика о социальной ориентации дисциплины неизбежно приобретает характер противопоставления европейской и американской традиций в их развитии³.

³ О том, что различие этих традиций действительно существует, упоминают многие авторы. Примером может служить предисловие видного английского социального психолога Т. Манстеда к одной из работ европейской серии *Mapping social psychology*. Он пишет: «...традиционные учебники демонстрируют слишком сильную зависимость от исследований, проводимых в Северной Америке, и от примеров, взятых из жизни североамериканского общества. Благодаря этому создается превратное представление о социальной психологии как о прерогативе Северной Америки, а читатели, не знакомые с ее культурой, испытывают дополнительные трудности.... Наша цель

Прежде чем убедиться в справедливости данного утверждения, необходимо охарактеризовать ростки новой тенденции, сложившейся внутри американской социальной психологии. Проявления критических настроений относительно господствующего здесь подхода фиксировались неоднократно [3, 4 и др.]. Наряду с критикой отдельных результатов, методов, теоретических построений уже с 1970-х годов стали говорить о необходимости «новой парадигмы» науки; ярче всего подобные идеи представлены в работах У. Мак-Гвайра [8]. В связи с существенными социальными изменениями во второй половине XX столетия особое значение имеют идеи Г. Триандиса, предложившего объединить социальную психологию и «культурный анализ» [9]. Триандис связывал недостатки американской социальной психологии с низким уровнем абстракции исследований, анализом «ограниченного круга явлений *единственной* (выделено мной. — Г.А.) культуры». На этом основании строятся теории социального поведения, распространение которых в «незападных» культурах «менее полезно, если вообще полезно» [9, p. 225].

Преодолеть такую слабость дисциплины призваны кросскультурные исследования, которые должны способствовать введению новых переменных в социально-психологический анализ и тем самым рассмотрению явлений в более широкой перспективе. Существуют два типа таких исследований: выявление культурных различий и изучение их причин, а также установление некоторых общностей в разных культурах. Последнее связано с анализом категорий, которые всегда детерминированы культурой; поэтому, например, «вес» различных характеристик по-разному воспринимается различными «культурными» группами [9, p. 235]. Все это не может не сказаться на новой методологии исследований.

Предложенная логика так или иначе имеет отношение к «социологизации» социальной психологии, а «культурный контекст» ее развития отчетливо прослеживается во второй половине XX столетия [10].

Особая претензия на создание новой парадигмы, разрабатываемой в общих рамках постмодернизма, связана с именем К. Гергена⁴. Поскольку отношение к постмодернизму весьма противоречиво, полезно четко обозначить его специфику в социально-психологических построениях. По справедливому замечанию Е.В. Якимовой, «вирус

заклучалась в том, чтобы создать серию книг, интересных для читателей разных стран и знакомящих их с интернациональной наукой» [7, с. 9–10].

⁴ В некоторых переводах на русский язык фамилия этого автора транскрибируется как «Джерджен», но, с учетом его немецкого происхождения, нам представляется более адекватным написание «Герген».

постмодернизма» проник и в социальную психологию [11], причем его «носителем», безусловно, выступил Герген. Конкретным воплощением постмодернистского подхода в социальной психологии Герген считает «социальный конструкционизм», который, по мнению многих исследователей, «был одной из первых школ психологии, подвергавших критике позитивистски-эмпирическую науку и ее концепции истины и знания» [12, p. 264-265].

Сама идея социального конструкционизма разработана в социологии, в частности, в концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [13]. «Психологический вариант» этой идеи, хотя и использует некоторые традиционные для данного подхода (как и в целом для постмодернизма) аргументы, насыщает их специфическим содержанием⁵. Так, противопоставление экзогенной (берущей начало в философии Локка, Юма, Миллса) и эндогенной (берущей начало в идеях Спинозы, Канта, Ницше) концепций знания Герген «переводит» на язык психологии и считает представителями этих концепций, соответственно, бихевиоризм и когнитивизм. В дальнейшем все рассуждения строятся на противостоянии именно этих двух парадигм, причем первая из них определенно порождена ориентацией американской культуры на индивидуализм с присущей ему концентрацией на внутренних состояниях личности. В условиях глобализации, характерных для конца столетия, необходимо, по мнению Гергена, отойти от индивидуалистической ориентации в психологии, поскольку теперь сама реальность мира предлагает возможность альтернатив в процессе его познания [14, p. 3]. Вместе с тем и «чисто» когнитивистская парадигма не представляется вполне адекватной: она также традиционно недооценивает значение социальной ситуации, в рамках которой осуществляется познание окружающего мира, то есть в ней отсутствует такой важный компонент познавательного процесса, как конструирование социального мира: «Собственно говоря, движение в сторону конструкционизма начинается в тот момент, когда под сомнение ставится теория знания как ментального представления» [15, с. 63].

Социальный конструкционизм, таким образом, предстает как альтернатива и бихевиоризму, и когнитивизму; новая парадигма

⁵. Несмотря на общую для психологии социальной познания и социологии знания посылку, предлагающую анализ «социального конструирования реальности», для психологического подхода характерен акцент на изучение этого процесса с точки зрения *рядового* человека. Это отличает его от трактовки, предложенной Бергером и Лукманом: «Можно сказать, что социологическое понимание “реальности” и “знания” находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом» [13, с. 10].

предлагает выход из сложившегося достаточно узкого контекста западной, преимущественно американской, культуры. Все это имеет непосредственное отношение к большей «социологизации» социальной психологии; сюда входит и признание того, что объяснение окружающего мира может быть лишь конвенцией между людьми, вступающими друг с другом в определенные отношения; слова, употребляемые для этих объяснений, имеют смысл в контексте сложившихся отношений. Распространенность той или иной формы понимания мира зависит от характера социальных процессов, и правило «что чем считать» напрямую связано с социальными изменениями [14].

Именно поэтому вместе с уходом от индивидуалистической традиции необходим уход и от сциентистской методологии, а также ориентация на герменевтику. Это, в свою очередь, заставляет по-новому истолковывать существо социальной психологии как науки: она в большей степени сближается с теми дисциплинами, которые «допускают» интерпретативное начало в познании [16, p.15; 17, с. 23]. Вводя определение социальной психологии как истории, Герген полагает, что ее задача — не только концентрировать внимание на мельчайших элементах текущих социальных процессов, но и «научиться объяснять взаимосвязь событий, далеко отстоящих друг от друга во времени» [17, с. 49]. Соответствующие этим задачам теоретические разработки и означают построение в социальной психологии новой парадигмы, именуемой социальным конструкционизмом.

Вернемся к предложениям европейских авторов, которые в чем-то совпадают с выводами Гергена, а в чем-то противоречат им. В целом нельзя не признать, что намеченная Гергеном программа в значительной степени противостоит традиционному американскому подходу. Но высказанные им критические соображения относятся ко всей социальной психологии XX столетия, не исключая и европейскую традицию. Поскольку многие из провозглашенных Гергеном принципов в европейских разработках уже в значительной степени реализованы, некоторые из таких предложений, не претендуя на вхождение в концепцию социального конструкционизма, представляют собой лишь другие способы вывести социальную психологию на широкий простор социальной реальности.

Претензии на выполнение такой миссии обычно опираются на анализ европейской социально-психологической традиции, весьма популярный в европейской литературе [6, 18, 19, 20]. Подчеркивается наличие в Европе солидной общетеоретической базы, созданной великими предшественниками, как в области психологии, так и в области социологии, той самой традиции, которая, по определению, отсутствует в США. В наиболее известном сегодня европейском учебнике [19] подробное исследование этого вопроса предложено К. Грауманном. С его точки зрения, ситуация в Европе перед первой

мировой войной характеризовалась отсутствием какой бы то ни было институционализации социально-психологического знания: работали одиночки (Бартлетт в Англии, Пиаже во Франции, Меде в Германии); первый, недолго просуществовавший Институт социальной психологии был создан в 1939 г. С установлением гитлеризма социальная психология в Европе была уничтожена.

Многие социальные психологи были вынуждены эмигрировать в Соединенные Штаты, где после первой мировой войны «началась» в полном смысле слова собственная история социальной психологии. Перед второй мировой войной приток эмигрантов из Европы в США способствовал заметной трансформации дисциплины; это позволило одному из европейских авторов высказать парадоксальную мысль, что «личностью, которая косвенно привела к этой трансформации, был ...Адольф Гитлер» [20, p. 150].

С самого начала отношения между европейской и американской традициями приобрели весьма противоречивый характер. Традиционный американский индивидуализм при построении программы социальной психологии приобрел методологическое значение. Поскольку эмпирическое исследование уже давно стало знаменем борьбы против кабинетной социальной философии, для американской социальной психологии характерен значительно меньший интерес к анализу массовых процессов (по сравнению с Европой). В области методологии стала популярна предложенная Ф. Олпортом своеобразная комбинация индивидуалистического принципа, бихевиористской позиции и экспериментального метода [21, с. 35].

Как уже отмечалось, такой подход вызывал критические настроения в самой американской социальной психологии. Начало было положено опубликованной в 1967 г. работой К. Ринга, в которой дисциплина была квалифицирована скорее как «красивое экспериментальное манипулирование теоретическими игрушками, чем серьезное построение достойного знания» [цит. по 12, p. 1]. В дальнейшем критики постоянно подчеркивали безусловный приоритет американской традиции над европейской, хотя и признавали исторические заслуги последней: тот же Олпорт ссылаясь в своих работах на многочисленных учеников Вундта, переселившихся к тому времени в США.

Поэтому, по мнению Грауманна, американская социальная психология имеет вполне европейские корни; в дальнейшем на ее развитие повлиял американский «климат»⁶. Это утверждение перекликает-

⁶ Доказательством этого можно считать, например, так называемое «левиновское развитие» — работу группы бывших учеников К. Левина, эмигрировавшего в США и создавшего там Школу групповой динамики, вокруг которой сплотилась группа уже «американских»

ся с мыслью Г. Олпорта, высказанной еще в 1954 г.: «В то время как социальная психология восходит к интеллектуальному духу всей западной традиции, ее современный расцвет должен быть рассмотрен как специфически американский феномен» [цит. по 20, р. 1].

Результат этого своеобразного «синтеза» не замедлил сказаться в Европе, где после второй мировой войны началось возрождение своей традиции в социальной психологии. Вначале это возрождение носило, по выражению Д. Картрайта, явные следы «американизации» [22, р. 85]. Европейские идеи, реконструированные в рамках американского подхода, возвращались теперь в Европу, особенно нуждающуюся в социально-психологических исследованиях. Первоначально американские подходы принимались весьма сочувственно, однако вскоре после создания ЕАЭСП возникает полемика по ряду существенных проблем. Первыми авторами, заявившими о наличии специфически европейского подхода, оказались идеологи упомянутого уже манифеста 1972 г. С. Московичи и А. Тэшфел.

С. Московичи высказал мысль о том, что хорошим социальным психологом нельзя стать, освоив лишь инструментарий и технику исследований (чему можно и стоит научиться в Америке): необходимо понимать проблемы своего общества. Именно поэтому первым требованием европейского подхода является учет социального контекста. Значение этого тезиса трудно переоценить, хотя в дальнейшей его трактовке много противоречий и неопределенностей. Самые главные из них связаны с пониманием природы социального контекста: есть ли это осознание и включение в каждое эмпирическое исследование реальной социальной ситуации (какого уровня?), или социальный контекст — это синоним культуры, в рамках которой осуществляется исследование? Тогда каково соотношение социального и культурного контекстов? Внятного ответа на этот вопрос практически нет до сих пор. Не случайно эти понятия часто отождествляются, или культурный контекст трактуется как разновидность социального⁷;

исследователей: Д. Картрайт, М. Дойч, Л. Фестингер, Г. Келли, Р. Тибо, С. Шахтер и др.

⁷ Решение вопроса имеет принципиальное значение для отечественной социальной психологии, которая в значительной степени ориентируется на методологические принципы культурно-исторической школы Л.С. Выготского, причем две позиции этого принципа трактуются неоднозначно. Во-первых, содержание термина «культура» в данной концепции и в ряде современных, в частности, этнопсихологических, работ различно. Во-вторых, не ясно, можно ли отождествлять культурно-историческую детерминацию психики, принимаемую Выготским, с социальной детерминацией. К сожалению, развернутых

иногда — по-видимому, для облегчения ответа — употребляется термин «социально-культурный контекст». Несмотря на эти недоговоренности, обязательный учет социального контекста в социально-психологическом исследовании является своеобразным «знаменем» европейской социальной психологии⁸.

Еще одно различие между американской и европейской традициями заключается в уровне объяснения социально-психологических процессов. Видный теоретик европейского подхода В. Дуаз в своей программной работе выделяет четыре возможных уровня объяснения изучаемых явлений:

Первый уровень ограничен рассмотрением «психологических», «внутриличностных» процессов (выясняется, как индивид организует свое понимание социального мира).

На втором уровне рассматривается динамика «межличностных», «внутриситуационных» процессов (взаимодействие индивидов).

На третьем уровне вводится понятие социальной позиции или статуса (выявляются социальные взаимодействия, где индивиды — носители этих позиций и статусов).

Наконец, четвертый уровень начинается с общих понятий, касающихся социальных отношений, которые проявляются в тех ситуациях, где взаимодействуют индивиды; это объясняет, как «универсальные идеологические принципы» приводят к различным ментальным представлениям и поведению [6, p. vii].

Различия в подходах американской и европейской социальной психологии проявляются в преимущественном использовании того или другого уровня объяснения. На вопрос, существует ли в действительности «европейский подход в социальной психологии», Дуаз отвечает утвердительно. Хотя и в американской, и в европейской социальной психологии представлены разные позиции, американский подход имеет тенденцию «ограничивать анализ 1-м и 2-м уровнями», тогда как отличительной чертой европейского подхода является «введение в теоретические и экспериментальные исследования 3-го и 4-го уровней» [6], что говорит о большем внимании к социальному контексту.

Таким образом, противостояние американской и европейской традиций «совпадает» с противостоянием «психологической» (PSP) и «социологической» (SSP) социальной психологии; предложенная

дискуссий по этим проблемам не ведется, хотя их методологическое значение огромно.

⁸ Внутри американской традиции в последние десятилетия потребность в таком включении также не отвергается (например, в концепции «социального конструкционизма К. Гургена»). Другое дело, в каких формах оно предлагается. Ниже мы на этом остановимся специально.

Московичи идея социологизации по существу является педалированием социологической ветви дисциплины.

Можно выделить и третье измерение «социологизации» — меру и степень включения в анализ собственно социальных проблем. Нельзя сказать, что в рамках американской традиции этот вопрос не ставился. Одновременно с усилением позиций К. Левина, предложившего в качестве методологического принципа так называемое «исследование действием» (action research), в США еще в тридцатые годы было создано Общество для психологического исследования социальных проблем (Society for Psychological Study of Social Problems). Этим признавалась необходимость отойти от узкой проблематики лабораторного исследования, для которого характерно превалирование метода над проблемами. Особенно важным изучение реальных социальных проблем стало в связи с экономическим и политическим кризисом, порожденным «великой депрессией» и второй мировой войной, когда, по мнению Д. Катца, «давление социальных проблем переломило сопротивление пуристов, сидящих в своих лабораториях» [цит. по 19, р. 15].

Осознание этой новой ситуации не поломало устоявшегося имиджа американского варианта социальной психологии, и критика со стороны европейских авторов не стала и по этому вопросу менее острой. В ряде публикаций ЕАЭСП неоднократно подчеркивалась необходимость расширения спектра социально-психологических исследований, обогащения их прямой апелляцией к реальным проблемам общества. По этому параметру часто осуществляется сравнение европейской и американской традиций, в частности, предлагается перечень социальных проблем, которым уделяется внимание в Европе и не уделяется в США: безработица, бедность, расовые и социальные конфликты и проч.

Неизбежно возникает полемика по поводу понимания предмета социальной психологии. Исследует ли эта дисциплина преимущественно социальное поведение личности или, в крайнем случае, ее поведение в малой группе? Или в предмет науки должна быть включена и вся проблематика «больших» социальных групп и массовых движений? Расхождения по этим вопросам очевидны, если обратиться к учебникам по социальной психологии, написанным авторами с различной профессиональной подготовкой (психологами или социологами) или адресованным разным профессиональным группам⁹.

⁹ Традиция обозначать «профессиональное» авторство или адресата распространена в американской литературе достаточно широко (например, *Social psychology for sociologists*). Таких «разделений» нет в европейской литературе!

Нельзя сказать, чтобы такое противопоставление двух подходов было абсолютным. Вклад американской традиции в развитие мировой социальной психологии никем не отрицается, однако специфика европейского подхода подчеркивается достаточно определенно. Это проявляется не только в общей полемике, сравнивающей две традиции, но и более заметно — в разработке конкретных моделей социально-психологического знания.

Наиболее значимыми европейскими «вкладами» в развитие социальной психологии XX столетия являются теория социальной идентичности А. Тэшфела и теория социальных представлений С. Московичи [20, р. 10]. В определенном смысле сюда же можно отнести и теорию дискурса Р. Харре¹⁰. Именно они выступают в качестве европейской альтернативы социальному конструкционизму Гергена и, более того, претендуют на уже состоявшееся решение многих проблем, которые Герген только ставит. Основанием для такой претензии служит апелляция к истории европейской социальной психологии, ее «органической» склонности к социологизации. Рассмотрим каждую из названных концепций более подробно.

Теория социальной идентичности (SIT) А. Тэшфела называется в этом случае одной из первых, хотя, по мнению некоторых исследователей, она в значительной степени «привязана» к индивидуалистическому подходу, свойственному американской традиции [20, р. 10]. Это вызвано, в частности, тем, что автор допускает, хотя и с оговорками, метод лабораторного эксперимента. Однако это утверждение легко может быть опровергнуто, если рассматривать концепцию Тэшфела в единстве с концепцией его ученика и последователя Дж. Тернера, автора теории самокатегоризации (SCT).

Основанием для создания этих теорий стала критика десоциализованного взгляда на индивида, свойственного американской социальной психологии. С точки зрения Тэшфела, большинство теорий в социальной психологии ориентированы на индивидуальное, в лучшем случае межличностное поведение. Хотя в учебниках подчеркивается, что социальная психология — это наука о социальном поведении, что поведение детерминировано социальными факторами и зависит от социального контекста, некорректное понимание самих социальных факторов и сути социального детерминизма приводит к тому, что на практике социальное поведение рассматривается в пресоциальной или даже асоциальной перспективе [18]. Бросая вызов этому подходу,

¹⁰ Концепция Харре распространена не только в социальной психологии. Интересно, что, по мнению Харре, социальная психология может быть адекватной, только если она разрабатывается совместными усилиями психологов, философов и социологов [23, р. 2].

Тэшфел заявляет, что его задача — «рассмотреть социальное измерение человеческого поведения» [18]. Проблемы социальной идентичности индивида включены в контекст межгрупповых отношений: отождествляя себя с группой, индивид тем самым отличает «свою» группу от «чужой», осуществляет сравнение групп. Хотя весь процесс идентификации рассматривается как социально-познавательный — познание себя в окружающем мире в терминах социальной категоризации, — индивид полностью «помещен» в социальный контекст. Будучи инструментом социальной идентификации личности, процесс этот обуславливает построение и образа группы, к которой личность принадлежит или не принадлежит. Иными словами, социальный мир для личности — это всегда мир, на который она смотрит глазами группы, вследствие чего идентичность личности может сформироваться только в межгрупповом взаимодействии. Предложенная Тэшфелом минимальная групповая парадигма четко иллюстрирует это положение: для индивида достаточно минимального ощущения себя членом группы для того, чтобы начать с ней идентифицироваться. Именно так реализуется задача «социального измерения поведения».

Дополнение, сделанное Дж. Тернером, состоит в том, что различие социальной и личной идентичности находится как бы в определенном континууме: личность самокатегоризует себя ближе то к одному, то к другому его полюсу, в зависимости от того, в какой конкретной группе возникает ситуация идентификации [12]. Кажущийся здесь большим по сравнению с позицией Тэшфела акцент на личности тем не менее не означает уступки индивидуалистическому подходу. Об этом недвусмысленно заявляет сам Тернер [7, с. 202]. Важным звеном этих двух концепций (в литературе часто их объединяют в «теорию идентичности Тэшфела–Тернера», не упоминая о различиях в трактовках авторов) является идея вплетенности не только механизмов идентичности, но и вообще всех социально-психологических феноменов в контекст социальных изменений.

Для Тэшфела «изменение» — фундаментальная характеристика социального окружения, представляемая не только в терминах преобразования технологических, социальных, политических структур, но и как принципиальная позиция поведения человека: «Изменяя себя, индивид изменяет социальную среду; изменяя ее, он изменяется сам» [7]. Универсальный характер изменения обуславливает выбор человеком линии поведения. Но если в условиях стабильности этот выбор можно предсказать, то в условиях изменения сделать это чрезвычайно сложно. Поэтому до тех пор, пока социальная психология не обратится к своему подлинному предмету исследования — изучению отношения между Человеком и Изменением, — она не сможет преодолеть свойственной ей ограниченности. Этим снова

бросается недвусмысленный вызов американской традиции. Можно с полным основанием заключить, что идеи Тэшфела представляют собой один из европейских вариантов «социологизации» социальной психологии, в котором реализованы по крайней мере отдельные посылки социального конструкционизма.

Другим примером является концепция социальных представлений С. Московичи. Его первая работа «Психоанализ, его образ и публика» появилась в 1961 г., и с тех пор разрабатываемая теория совершила поистине триумфальное шествие по разным странам мира. В данной статье нет необходимости (да и возможности) подробно излагать основные идеи концепции, тем более что и в отечественной литературе это выполнено многократно [4, 11, 24, 25, 26]. Здесь важно выделить два ряда положений: доказать (или опровергнуть) связь теории социальных представлений (СП) с современными поисками социального конструкционизма и продемонстрировать ее принадлежность к процессу «социологизации».

Относительно первой из названных проблем в современной литературе развернута ожесточенная дискуссия. Спор идет о том, представляет ли теория СП просто разновидность социального когнитивизма или это специфический вариант конструкционистской методологии. Что касается второй проблемы, то никакого спора по этому поводу нет, поскольку идея социологизации совершенно очевидно в данном подходе представлена.

Первая задача теории СП — установить более тесную связь между когнитивными процессами человека и социальными макропроцессами. Под социальным представлением понимается сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной коммуникации: «В нашем обществе они являются эквивалентом мифов и систем верований традиционных обществ; их даже можно назвать современной версией здравого смысла» [27]. Социальное представление необходимо человеку для того, чтобы «приручить» новую информацию, преобразовать «странное» и «незнакомое» в «понятное» и «знакомое», поскольку только таким путем можно уменьшить опасность разрушения привычного хода вещей и осмыслить социальную реальность. В этом пункте теория СП смыкается с другими теориями социальной психологии, в частности, с «теориями соответствия», поскольку и в них есть акцент на потребность человека понять смысл окружения и в соответствии с этим выстроить линию поведения.

Однако дальше начинаются существенные отличия теории СП от традиционного когнитивизма. Если в последнем речь идет о потребности индивида постоянно восстанавливать когнитивное соответствие под напором новой информации, то в теории СП гораздо отчетливее делается акцент на то, что поиск человеком смысла предполагает новую стратегию поведения. Эта стратегия вырабатывается в

группе, возникает «общее видение реальности», которое «ориентирует действия и взаимосвязи членов данной группы» [28]. Отсюда — другое принципиальное положение теории СП: анализ социальной реальности возможен только через коммуникацию, в ходе которой и создаются разделяемые группой представления о действительности, позволяющие конструировать социальную реальность.

Справедливости ради нужно сказать, что в предложенной схеме присутствуют элементы как когнитивистской методологии, так и конструкционизма: с одной стороны, возникает аналогия между «социальным представлением» и «когнитивной схемой» — одним из основных конструкторов когнитивизма. С другой стороны, акцентируется роль группы в выработке социального представления (группа фиксирует определенные аспекты СП, влияет на принятие/отторжение той или иной информации, определяет частоту использования СП; при помощи СП группа может варьировать способы манипуляции фактами, формировать свою идентичность) [29]. Возникает как бы «двойная» социальная зависимость когнитивного акта: с одной стороны, СП порождается группой, с другой — оно включается в систему социальных коммуникаций. Эти положения, несомненно, сближают теорию СП с идеями конструкционизма. В итоге «концепция СП воспринимается некоторыми авторами из конструктивистского лагеря как типичная социально-когнитивная схема, а когнитивистами — как методологически вторичный когнитивный подход» [26, с. 41]¹¹.

Интересную попытку примирения различных трактовок теории СП предприняли австралийские исследователи М. Аугустинос и И. Уолкер в работе «Социальное познание: интегративное введение» [12]. Чтобы показать, что теория СП есть именно интеграция когнитивистского и конструкционистского подходов, авторы обращаются к двум ее фрагментам. Во-первых, они рассматривают такой компонент формирования СП, как «зацепление» («анкеровка»), когда субъекту необходимо впервые зафиксировать внимание на каком-либо социальном объекте и назвать его. Самим фактом называния объект помещается в некоторую идентификационную матрицу, то есть включается в существующую концепцию «общества и человеческой природы», что можно считать доказательством единства когнитивного действия и социального контекста. Во-вторых, они отмечают такую стадию формирования СП, как «объектификация»: понятие превращается в образ, который в большей степени включен в реальность, и то,

¹¹ Е.В. Якимова замечает: «Если первоначально западные психологи, познакомившиеся с работами Московичи, были склонны рассматривать его теорию в русле когнитивизма, то со второй половины 80-х годов растет число публикаций, авторы которых настаивают на возможности (и даже необходимости) ее конструкционистского прочтения» [11, с. 88].

что было воспринято, становится тем, что понято (новое сводится ко «всем известному»). Это дает рядовому человеку некоторое «знание», достаточное для оперирования в пределах здравого смысла в обыденных ситуациях. Такое «знание» есть элемент массовой культуры, включенной в систему коммуникаций данного общества. По мнению авторов, это также демонстрирует объединение чисто когнитивного акта с его «местом» в социальном контексте [12, p. 140].

Независимо от того, соглашаемся ли мы с данной аргументацией, нельзя не признать, что направление анализа достаточно интересно; при более детальном его осуществлении, по-видимому, можно найти немало других доказательств «движения» теории СП в сторону построения парадигмы, тенденции, близкой поискам социального конструкционизма.

Третий европейский вариант социального конструкционизма — этогеническая теория Р. Харре, наиболее определенно рассматриваемая как версия постмодернизма в социальной психологии. Претендуя на построение общей теории социальной психологии («чертеж новой науки»), концепция Харре включает целый комплекс относительно самостоятельных идей (модели человека и общества, типология «сценариев» и «эпизодов» и др.), требующих специального исследования [4, 11]. Выделим те из них, которые важны для понимания общей логики европейского подхода в интерпретации социального конструкционизма.

Наиболее отчетливо эта логика прослеживается при разработке идей дискурс-анализа. Поскольку человеческое поведение можно рассматривать как определенный текст, предварительным условием всякого социально-психологического исследования является лингвистический анализ: «Явление, подлежащее психологическому объяснению, есть то, что задается соответствующим словарем и характером его использования» [30]. «Словарь» же используется и реализуется в процессе коммуникации, которая и выступает ключевым понятием при объяснении социального поведения. Разновидностью коммуникации является дискурс — рассуждение по поводу какой-либо проблемы, обсуждение ее, то есть все формы работы с текстом: говорение, слушание, беседа.

Чтобы различные группы и отдельные индивиды могли совершать совместные действия, они должны понимать, о чем идет речь, то есть разрабатывать единые системы значений. Разговор и обсуждение должны обеспечить такую трактовку категорий, при которой их значение разделяемо всеми участниками дискурса: каждый привносит в содержание категории характеристики, ему известные, и тем самым это содержание значительно пополняется. Именно этот процесс и означает конструирование мира, в ходе которого уточняется его образ и направление действий внутри него. По мнению Я. Паркера, «первая

функция дискурса — приводить объекты в бытие, создавать статус реальности» [12, р. 278]. Это наиболее выпуклая формула конструкционизма.

Концепция Харре, как и подход Гергена, с достаточной определенностью противостоит двум основным направлениям традиционной социальной психологии — бихевиоризму и когнитивизму. В этогеническом подходе преодолевается как понимание человека, демонстрирующего простые реакции на внешние стимулы, так и трактовка его поведения на основе лишь структурирования когнитивных процессов. По мнению Харре, этим снимается приверженность социальной психологии принципам как сциентизма, так и индивидуализма, постулируется «первичность... коллективного «местоположения» интрапсихических процессов по отношению к индивидуальным, психологическим их проявлениям» [11, с. 61]¹². Поэтому так значимо для человека умение читать «текст социального взаимодействия»: только в этом случае можно адекватно интерпретировать уместность, понятность своих поступков.

Исходя из изложенных принципов Харре предлагает новую трактовку одной из традиционных проблем социальной психологии — «Я-концепции». Все существующие разновидности последней (построение при помощи шкал Айзенка, Кеттелла, разработка в рамках гуманистической психологии Маслоу и Роджерса) представляются Харре асоциальными, «психологизирующими». Харре предлагает переключить внимание с «поиска Я как сущности на методы конструирования Я», что позволит сконцентрировать внимание не столько на «заданности Я», сколько на «творении Я» [32, р. 102]. Вслед за Гергеном Харре полагает, что взамен однажды очерченного образа Я как устойчивой когнитивной структуры индивид строит своеобразное повествование о себе — «Я-нарратив», который всегда задан в определенном контексте взаимодействия. При различных обстоятельствах будут фиксироваться разные характеристики Я, значимые для той среды, в условиях которой повествование предъясняется [33, р. 46].

Этим утверждается один из постулатов конструкционизма: «Я-концепция» из головы индивида переносится в сферу социального дискурса. Как справедливо замечает Е.В. Якимова, «с точки зрения дискурсивного анализа психология Я — это не теория индивида или

¹² Интересно, что при обосновании этой идеи Харре ссылается на труды Л.С. Выготского, в частности, на положение о мысли как интериоризованной речи: «Поскольку рассуждение (дискурс) в своей первичности является общественным, и лишь в своей вторичности оно индивидуально, то и познавательная способность... первично является общественной и социальной и только вторично — частной и индивидуальной» [31, с. 4].

личности, а социальная психология человеческой самости как результата и действенного компонента дискурсивной практики» [11, с. 67]. Одновременно еще раз подчеркивается новый облик социальной психологии как науки: она не должна претендовать на открытие некоторых «универсалий», управляющих человеческим поведением, а должна уделить значительно больше внимания социальной конвенции, поскольку именно в ней задаются нормы и планы поведения индивида в определенном сообществе. Эта же идея Харре лежит в основе его трактовки эмоций: он требует отказаться от «локальных словарей», не учитывающих культурные нормы обозначения эмоциональных состояний [30, с. 9].

Даже если ограничиться приведенными примерами, становится очевидным, что этогеническая психология представляет собой наиболее последовательное воплощение идей социального конструкционизма в рамках европейской традиции¹³ и в этом смысле демонстрирует еще один вариант постмодернистской парадигмы в социальной психологии.

* * *

Высказанная в свое время Московичи идея «социологизации» социальной психологии воплощена сегодня преимущественно в конструкционистских построениях, и это не удивительно: «ветер» постмодернизма веет над всеми системами общественнознания. Известное удовлетворение вызывает то обстоятельство, что в данном случае эта традиция не акцентирует своих наиболее одиозных принципов, а, напротив, «помножена» на здравые поиски более продуктивной парадигмы в системе социально-психологического знания. Доказательством является и тот факт, что существенные свойства предлагаемого подхода перекликаются со свойствами других концепций, в частности, «культурного анализа» Г. Триандиса. К ним близок ряд положений отечественной психологии, высказанных Л.С. Выготским. И внутренняя логика развития социальной психологии, и характер социальных изменений ее «объекта» в конце XX столетия требуют пересмотра многих позиций с учетом реального социального контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект-пресс, 2002.
2. Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
3. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект-пресс, 2001.

¹³ По мнению убежденных сторонников дискурс-анализа Поттера и Везерелл, частично полемизирующих с Харре, его концепция тем не менее может существенно дополнить теорию социальных представлений Московичи [32, р. 139].

4. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М.: Академический проект, 1999.
5. *Moscovici S.* Society and theory in social psychology // The context of social psychology / Ed. by J. Israel, H. Tajfel. London: Academic Press, 1972.
6. *Dois W.* Levels of explanations in social psychology. Cambridge: University Press, 1986.
7. Тернер Дж. Психология влияния. СПб.: Питер, 2003.
8. Мак-Гайр У.Дж. Инь и янь прогресса в социальной психологии: семь принципов // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Г.М. Андреевой и др. М.: МГУ, 1984.
9. *Triandis H.* Social psychology and cultural analysis // Social Psychology in Transition / Ed. by L. Strickland, F. About, K. Gergen. New York: Plenum Press, 1976.
10. Стефаненко Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект-Пресс, 2002.
11. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.
12. *Augoustinos M., Walker J.* Social cognition: An integrated introduction. London: Sage Publication, 1995.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: МЕДИУМ, 1995.
14. *Gergen K.* Realities and relationships // Sounding in Social Construction. New York: Harvard University Press, 1994.
15. Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
16. *Gergen K.* Social psychology as history // Social psychology in transition / Ed. by L. Strickland, F. Aboud, K. Gergen. New York: Plenum Press, 1976.
17. Джерджен К. Социальная психология как история // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
18. The context of social psychology: A critical assessment / Ed. by Y. Tajfel, J. Israel. New York: Academic Press, 1972.
19. Introduction to social psychology / Ed. by M. Hewston, W. Stroebe, G.M. Stephenson. Oxford: Blackwell, 1996.
20. *Farr D.M.* The roots of modern social psychology. Oxford: Blackwell, 1996.
21. Перспективы социальной психологии / Ред.-сост. М. Хьюстон, В. Штребе, Дж. Стефенсон. М.: ЭКСМО, 2001.
22. *Cartwright D.* Contemporary social psychology in historical perspective // Social Psychology Quarterly. 1979. Vol. 42.
23. *Harre R, Secord P.* The explanation of social behavior. Oxford: Basil Blackwell, 1979.
24. Донцов А.И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: МГУ, 1987.
25. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.
26. Емельянова Т. П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6.

27. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social Representations / Ed. by R. Farr, S. Moscovici.* Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
28. *Jodelet D.* Representations sociales: Un domaine en expansion // *Les représentations sociales.* Paris: PUF, 1989.
29. *Breakwell G.* Integrating paradigms? Methodological implications // *Empirical approaches to social representations.* Oxford: Clarendon Press, 1993.
30. *Xappe P.* Вторая когнитивная революция // *Психологический журнал.* 1995. Т. 16. № 1.
31. *Xappe P.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // *Социальная психология: саморефлексия маргинальности.* Хрестоматия. М.: ИНИОН РАН, 1995.
32. *Potter J. Wetherell M.* Discourse and social psychology. London: Sage Publications, 1987.
33. *Devies B., Harre R.* Positioning the discursive production of selves // *Journal for the Theory of Social Behavior.* 1990. Vol. 20. No. 1.